

4. Интересно исследовать *патогrafические* данные: иллюзии философского и научного творчества и их механизм (двумя-тремя годами позднее на эту тему будут опубликованы работы психоневрологов В.М. Бехтерева, В.Ф. Чижа и др. — И.Е., В.К.).

5. Такая работа осуществима лишь путем *дружественной кооперации ученых разных специальностей* — философов, врачей, психиатров, техников.

6. Вся работа должна быть освещена *единой руководящей философской идеей*” (с. 338).

Уже из этой цитаты видно, что автор, по сути, очерчивает философски обоснованную полидисциплинарную программу исследования творчества, которая опирается на принципы историзма, системности, развития. Все это — более чем актуально и сегодня. Но все это и сегодня в большей мере остается в плане долженствования.

Заметим, что отечественные исследователи проблематики творчества конца XX столетия не обошли своим вниманием Лапшина и его книгу. Упоминания о ней мы находим в работах Я.А. Пономарева, Т.В. Кудрявцева, Г.С. Альтшуллера, В.М. Мухачева и др., но упоминания носят пре-

имущественно “справочно-отсылочный” характер. И авторы, видимо, отчасти правы: интерес в его работе вызывают не конкретные способы решения конкретных проблем. С точки зрения сегодняшнего исследователя творчества, значим в первую очередь заданный в ней образец *методологического анализа*, отвечающий самым жестким требованиям *научной конкретности*. Для современной российской психологии с ее обозначившимся (спустя десятилетия после Запада) креном в позитивизм уроки, извлеченные из книги Лапшина, могут оказаться чрезвычайно своевременными и полезными.

Иван Иванович Лапшин не только определил перспективные исследования творчества и изобретения, но и далеко продвинулся в них. Можно сказать, что он вполне успешно изобрел науку об изобретении, и с этих позиций его книга, простите за избитое выражение, опередила свое время. Хочется верить, что к началу нового века она как раз стала востребованной.

И.Е. Евгенийин,
кандидат философских наук,
В.Т. Кудрявцев,
доктор психологических наук

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ “ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ”

Педагогика всегда была одной из основных сфер приложения психологических знаний. Эти знания успешно применяются как в теории обучения и воспитания, так и в практической деятельности педагогов и психологов, занятых в сфере образования.

Учитывая возрастающие запросы практики, книжный рынок предлагает все больше конкурирующих друг с другом учебников по педагогической психологии. Увеличение числа подобных учебных пособий и монографий вполне соответствует духу рыночных отношений и здоровой конкуренции. В конце концов, именно рынок с его основным двигателем — спросом — производит естественный отбор наиболее удачных экземпляров и способствует их выживанию, поэтому рост количества однотипной по содержанию психологической литературы является для потребителя не столько бедой, сколько благом. Однако же — не всегда.

Стремление как можно быстрее завоевать рынок, оказаться на нем первым или одним из первых в данной области способствует не только появлению огрехов в работе издательств, но и совершению рядом авторов и издательств недобросовестных действий, если не сказать — преступлений.

Неточность, подобная той, которую допустило издательство “ЭКМО-Пресс”, назвав на об-

ложке и титульном листе известного психолога и психиатра Андрея Евгеньевича Личко почему-то Александром, в какой-то степени простителен. Всем понятно, что эту книгу (“Типы акцептуаций характера и психопатий у подростков”. М., 1999) данное издательство “сильно быстро делало”, поэтому и ошиблось. (Хотя факт проявления неуважения к имени известного русского ученого должен быть подвергнут порицанию.)

Однако оказывается, что в нашем издательском деле происходят вещи гораздо менее безобидные и более прискорбные. Речь в данном случае пойдет об учебном пособии для студентов высших учебных заведений “Педагогическая психология” Людмилы Дмитриевны Столяренко, вышедшем в издательстве “Феникс” в Ростове-на-Дону в 2000 г.

Само по себе появление этого учебника в указанном выше контексте — явление отрадное. В нем достаточно полно представлены различные разделы педагогической психологии. Беда заключается в том, что читатель вводится в глубочайшее заблуждение относительно авторства текста этого учебника или, по крайней мере, многих его фрагментов.

При чтении этого учебника внимательный читатель вскоре может обнаружить полное сходство частей текста с фрагментами другой, издан-

ной, правда, годом раньше книги А.А. Реана и Я.Л. Коломинского "Социальная педагогическая психология" (СПб., "Питер", 1999).

В учебнике Столяренко мы встречаем не просто пересказ идей двух крупных отечественных психологов, добытых ими фактов и разработанных ими методик без ссылок на авторство, но полное тождество текстов без каких-либо указаний на заимствование.

Например, в разделе о мотивации и учебных мотивах (стр. 173–180 рецензируемой книги) можно найти дословно воспроизведенные (даже не предложениями и абзацами, а огромными кусками!) фрагменты текста книги Реана и Коломинского (стр. 56–60, 62–63). Текст, посвященный локусу контроля (стр. 190–195) также полностью идентичен оригинальному тексту (стр. 92–102). Тождественны фрагменты на страницах 195–196 и 198–200 одного текста и страниц 47–54 другого, оригинального. Всего можно насчитать десять подобных крупных заимствований, и это совпадение только с одним оригинальным текстом. Может быть и все остальное Столяренко беззастенчиво заимствовала? Может быть. Не хочется заниматься подобными изысканиями. Пусть этим занимаются авторы предшествующих изданий и, как говорят, компетентные органы.

Меня как автора, естественно, беспокоит не только моральная и юридическая сторона факта беспардонного плагиата, но и вопрос безопасности собственных текстов, какой бы степенью известности они ни обладали. Если уж работы таких известных психологов не защищены от посягательств, то что делать авторам небольших публикаций – статей, авторефератов? А ведь именно в подобных публикациях нередко можно найти весьма оригинальные идеи и ошеломляющие факты. Наука, как известно, создается умами многих, но каждая идея имеет своего автора, и это должно уважаться, по крайней мере, соответствующими ссылками.

То, что мы находим в обсуждаемом учебнике не может быть оправданно ничем. Понятно, то текст учебного пособия – особый. Он, конечно, должен быть максимально уясняем и не должен засоряться большим количеством ссылок. Однако это правило, как мне кажется, верно только в отношении устоявшихся, укоренившихся в научных кругах и общественном сознании знаний. Нет, например, нужды постоянно ссылаться на авторство идеи о вращении Земли вокруг своей оси. Но даже в этом случае, впервые знакомя детей с этим знанием в школе, учитель обязан познакомить и с их автором, отдавая дань памяти ученому.

Ссылки на авторство в рассматриваемом случае являются необходимыми не только по соображениям закона и этики, но и потому, что рас-

смотрение многих вопросов в заимствованных фрагментах является действительно авторским, и поэтому специфическим. Если бы Столяренко сама писала данный учебник, она при достаточно большом отпущенном ей объеме текста была бы просто обязана познакомить студентов и с некоторыми иными точками зрения на проблемы для полноты картины. Например, в вопросе о роли самооценки в структуре Я-концепции она должна была бы указать что в интерпретации Т. Шибутани самооценка является всего лишь одним из равных ей по значению в организации Я-концепции параметров ("измерений"). То же можно сказать и о некоторых других вопросах. Однако поскольку плагиатор попросту списала текст у упомянутых авторов, она соответственно сузила и содержание предоставляемой студентам информации.

Кто должен отвечать за плагиат и публикацию этого учебника? Ответ на этот вопрос должен дать суд, если таковой состоится. Виновато, конечно, и издательство "Феникс", и рецензент этого учебника профессор Н.К. Карпова, но мне кажется, что основная вина по понятным причинам лежит на авторе.

Юридическая сторона обсуждаемой здесь проблемы находится вне моей компетенции: я психолог. Но обсуждать моральную сторону этого вопроса я имею право. Изучение педагогики (в том числе, и в высшей школе) включает, как известно, не только обучение специальным знаниям, но и нравственное воспитание студентов. Один из методов такого воспитания – пример нравственного поведения. Учебник как средство педагогического воздействия также выполняет эти функции. В связи с этим хочется задать риторический вопрос: "Пример какого рода нравственного поведения подает студентам вузов Людмила Дмитриевна Столяренко, публикуя плагиаторский учебник?" Не является ли это примером вопиющего нравственного противоречия? Ведь плагиат, совершенный автором, содержится в учебнике "Педагогическая психология"!

Завершить это письмо следует словами: "Авторы научных текстов – будьте бдительны, а студенты – внимательны". Но я бы призвал и к другому: "Авторы – будьте добросовестны!"

С.И. Розум, кандидат психол. наук,
доцент кафедры психологии и педагогики
личностного и профессионального развития
факультета психологии
Санкт-Петербургского государственного
университета